

Экономическая теория

Ирина ХОМИН

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
В КОНТЕКСТЕ ДИХОТОМИИ
Т. ВЕБЛЕНА**

Резюме

Рассмотрена проблема аналитической интерпретации показателей экономического развития, которая освещена на их международных сопоставлениях с достигнутыми в Украине.

Ключевые слова

Аналитическая интерпретация, макроэкономические показатели, экономическое развитие.

Классификация по JEL: O31; O39.

© Ирина Хомин, 2010.

Хомин Ирина, канд. экон. наук, младший научный сотрудник Национального научного центра «Институт аграрной экономики», г. Киев, Украина.

Если анализировать экономическое развитие Украины, то сразу возникают необъяснимые с позиций традиционной теории экономического анализа несоответствия значений тех или иных макроэкономических показателей. Таким образом, создается впечатление, что эта теория – по образному выражению Дж. Робинсона, – «ящик с инструментами», предназначенными для вывода интересных результатов [15, с. 265], является беспомощной в тех случаях, когда они, то есть результаты, не вписываются в традиционные трактовки – выводы, вытекающие из аналитической интерпретации реального состояния экономики. Следовательно, эта проблема имеет определенное научное и практическое значение.

Несмотря на то, что аналитическую интерпретацию показателей экономического развития освещало немало выдающихся ученых [1, 14, 15], вышеупомянутое несоответствие некоторых макроэкономических показателей относительно теоретических объяснений их значений с точки зрения формальных математических закономерностей изучено недостаточно. С учетом этого, задачей данной статьи является попытка разобраться в вышеупомянутой проблеме с использованием теоретических толкований выдающегося американского экономиста-социолога Т. Веблена (1857–1929), который является основоположником институционального направления в экономической науке, поскольку ни эмпиризм, ни аксономизм не в состоянии отразить эволюцию экономических явлений и процессов [7, с. 74].

В своей знаменитой работе «Теория праздного класса» (1899) Т. Веблен, критикуя статические исследования экономики, рассматривает ее не как застывшую систему, а как эволюционную, управляемую процессами, которые он назвал «кумулятивной последовательностью» [5, с. 32]. В этом, на наш взгляд, как раз и кроется ключ к разгадке видимого парадокса, когда показатели развития стран, имеющих высокий уровень обеспечения собственными ресурсами, в разы ниже тех, где последних крайне мало (табл. 1).

Здесь наглядно проиллюстрировано т. н. «ресурсное проклятие», или «голландская болезнь»¹, поскольку страны с богатыми природными энергоресурсами (верхняя часть таблицы) даже при благоприятном тренде цен на них после 1990 г., вместо наращивания ВВП на душу населения, имеют спад от 3,5 раза – Россия, до 4,8 раза – Азербайджан и 7,8 раза – Украины.

¹ Под «голландской болезнью» в научной литературе понимают сокращение сектора рыночной экономики, который выпускает торгуемые (tradable) товары (Т-сектора) вследствие открытия и разработки месторождений газа, нефти и другого минерального сырья или повышения цен на них. Рост М-сектора, который производит и экспортирует минеральное сырье, позволяет увеличить благосостояние граждан, что приводит к импорту торгуемых товаров и выпуску неторгуемых товаров (non-tradable) товаров в Н-секторе (в основном в отраслях сферы услуг) [13, с. 23].

Таблица 1.

Валовой внутренний продукт на одного человека²

Страны	Годы					
	1990	1995	2000	2005	2006	2007
Украина	8108	3920	3706	5605	6058	6559
Казахстан	7096	4497	5405	8966	9529	10242
Россия	12686	7854	8606	11864	12793	...
Азербайджан	...	1888	2534	4573	6081	7519
Эстония	10081	7955	11002	16654	18558	19908
Латвия	10988	6265	8644	13218	14913	16530
Литва	12028	7236	9429	14085	15254	16676
Польша	8054	8932	11632	13573	14432	15381
Чехия	16243	15525	16806	20281	21501	...
Германия	25013	27099	29738	30495	31407	32229
Франция	24249	25244	28357	29785	30250	30722

Источник: Статистический ежегодник Украины 2004 / Под ред. А. Г. Осауленко. – М.: Госкомстат Украины, 2005. – С. 572–573.

Вместе с тем, никакими статистическими приемами нельзя объяснить, почему бывший СССР, а теперь большинство постсоветских республик имеют в 15 раз меньший валовой внутренний продукт в расчете на человека, чем, например, Франция, у которой запасов природных ресурсов несоизмеримо меньше, чем даже у Украины. В то же время страны Прибалтики, которые вышли из СССР почти сразу с его развалом, превзошли по этому показателю как Украину, так и любое другое государство на постсоветском пространстве. А Польша, имея лишь 33 %-ный уровень по Украине по этому показателю в 1990 г., сейчас более чем в пять раз нас обогнала.

Если же рассматривать эти показатели в духе не таксономизма, а генетического подхода Т. Веблена, по которому «...материальная цивилизация представляет собой систему институтов – институциональную структуру (fabric) и институциональный рост (growth). ... Очевидно, экономическое исследование, полностью посвященное движению изначальной (elemental) человеческой природы в рамках заданных, стабильных институциональных условий, может достичь только статических результатов..., ведь реакция, из которой состоит человеческое поведение, происходит согласно институциональным нормам и стимулам, имеющим институциональный смысл» [2, с. 92], то объяснение приведенного парадокса возможно, на наш взгляд, с большой вероятностью. Ведь экономическое развитие, являясь результатом взаимодействия

² В ценах, являющихся международно сопоставимыми, и паритетах покупательной способности (ППС) 2005 г.; долл. США.

различных экономических факторов (изменений технологии, роста населения и т. д.), усиливающих друг друга, одновременно зависит от поведения экономических субъектов, которые во многом придерживаются привычек, унаследованных от прошлого. Поэтому неудивительно, что противоречия с общими тенденциями развития мировой экономики на Украине с помощью традиционных методов экономико-статистического анализа объяснить невозможно.

Конечно, можно идти проторенной дорогой, используя клише советской политической экономии, когда показатели СССР и Украины, в том числе, сравнивали с показателями 1913 г., или же использовать новейшие, которые приводят отдельные авторы, утверждая: «На основе анализа натуральных показателей ... за более чем тридцатилетний период можно сделать обоснованный вывод: никогда Украина не имела столь мощного, экономически эффективного и финансово устойчивого сельского хозяйства, как в дореформенные годы», [12, с. 372], а причины его неудовлетворительного современного состояния объяснять в том же духе, мол, «следующая деградация агропромышленного комплекса является результатом так называемых рыночных реформ в сельском хозяйстве и промышленном производстве продуктов питания» [12, с. 372].

Но как тогда объяснить, что, например, качество такого природного капитала, как сельскохозяйственные угодья, на Украине гораздо выше, чем в европейских странах, а результативные показатели, несмотря на это, у нас имеют противоположное значение (табл. 2).

Ведь получается, что рыночные отношения в Германии и Франции или Польше не помешали этим странам сформировать эффективное сельскохозяйственное производство, а на Украине это почему-то дало обратный эффект. При этом подчеркнем, что речь не идет о недостаточности подготовки таких авторов, ибо, выражаясь стилем Т. Веблена, можно утверждать: «...Этим экономистам не занимать интеллекта и осведомленности. ... Слабость их теоретической схемы заложена в ее постулатах, которые ограничивают исследования обобщениями теологического или «дедуктивного» порядке. О причинах изменений или о развертывании [во времени] последовательности феноменов экономической жизни им доселе сказать было нечего, поскольку их теория построена не в терминах причинно-следственных связей, а в терминах телеологии» [2, с. 86–87].

Если же попытаться применить дедуктивный метод, то прежде всего нужно не исходить из ограниченного понимания природы человека с экономической точки зрения, вне гуманитарного контекста, а применять междисциплинарный подход, который, по Т. Веблену, охватывает социальную философию, антропологию и психологию. Эти институты определяют и развитие экономики: «Экономический интерес сопровождает всю жизнь человека: будучи частью жизненного пути, он пронизывает и процесс культурного развития. Он повсеместно влияет на культуру, так что можно утверждать, что все институты в определенной степени являются экономическими» [3, с. 28].

Таблица 2.

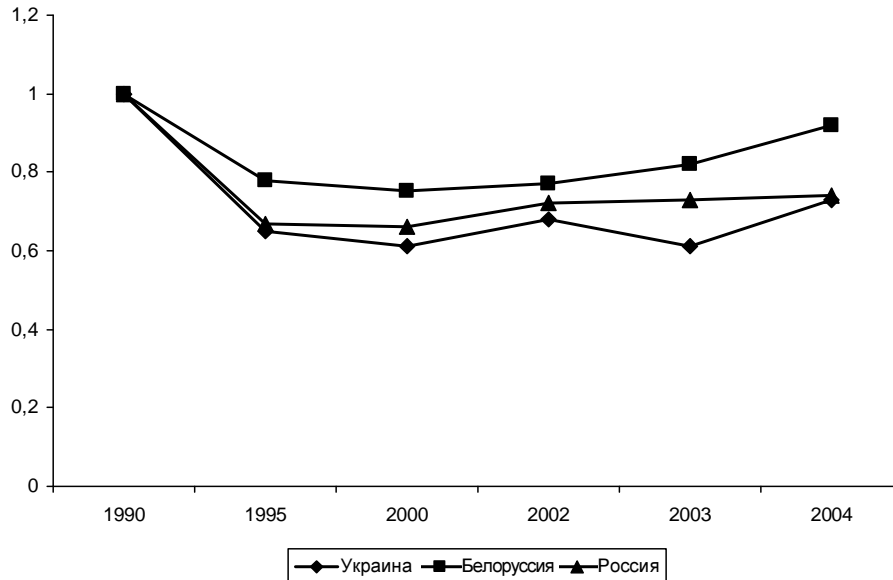
**Экономическая эффективность аграрного сектора
Украины, Германии и Франции**

Показатели	Годы					
	1990	1995	2000	2005	2006	2007
Урожайность зерновых культур, ц/га						
Украина	35,1	25,1	19,5	26,0	24,1	21,8
Германия	54,1	61,1	64,5	66,2	64,1	63,6
Франция	60,8	64,6	72,4	67,1	66,9	63,5
Польша	32,3	30,0	25,2	31,4	25,9	32,4
Урожайность сахарной свеклы, ц/га						
Украина	275,7	204,7	176,8	248,2	284,7	294,2
Германия	496,6	497,5	616,6	601,9	577,4	643,0
Франция	668,3	667,5	759,0	773,2	788,2	822,9
Производство мяса на душу населения, кг						
Украина	84,0	44,5	33,6	33,8	37,0	...
Германия	91,2	71,3	76,4	83,6	85,0	...
Франция	101,2	109,2	109,7	101,8	85,0	...
Производство молока на душу населения, кг						
Украина	478,0	331,1	250,9	289,6	284,0	...
Германия	394,1	350,3	345,4	334,5	339,0	...
Франция	460,7	437,5	422,0	428,6	408,0	...

Источник: Агропромышленный комплекс Украины: состояние, тенденции и перспективы развития. Информационно-аналитический сборник (выпуск 6) / Под ред. П. Т. Саблука и др. – М.: ИАЭ УААН, 2003. – С. 728, 730, 736, 738; Сельское хозяйство Украины 2007 год / Под ред. Ю. М. Остапчука. – М.: Госкомстат Украины, 2008. – С. 372, 375, 391.

Таким образом, можно быть совершенно твердо убежденным, что именно игнорирование этих экономических интересов индивидуумов – главная причина как бывшего, так и нынешнего хронического отставания аграрного сектора Украины от результатов, достигнутых в странах Европы, где давно царит рыночная экономика – тем более, что таким же является его состояние почти во всех постсоциалистических странах (рис. 1).

Рисунок 1.

**Индексы валовой продукции сельского хозяйства
в отдельных постиндустриальных странах**

Источник: Сельское хозяйство Украины 2007 г. / Статистический ежегодник. – М.: Госкомстат Украины, 2008. – С. 372, 375, 391.

Такое «сходство» тенденций экономических результатов, на наш взгляд, убедительно доказывает – в СССР, а теперь и в постсоциалистических странах, пользуясь утверждением Т. Веблена, «считается, что институт собственности, а также целый ряд денежных представлений и стереотипов, которые подпадают под определение этого института или концентрируются вокруг него, не порождают никаких привычных или общепринятых канонов либо стандартов оценки, не формируют никаких ближайших целей, идеалов или устремлений» [2, с. 24], поэтому именно это и стало главной причиной того, что все попытки каким-то образом преодолеть нарастание кризисных явлений в экономике Украины в конце XX в. были безуспешными. Показательно, что в 1982 г. Институт экономики АН УССР подготовил научный доклад «О причинах замедления темпов экономического развития Украинской ССР» [9], хотя в то время ни о каких реформах социалистической собственности не могло быть и речи, следовательно, и объяснить это ими было невозможно.

Что касается аграрного сектора экономики, то первыми признаками кризисных явлений в 90-х годах XX века стало сокращение поголовья животных, несмотря на чрезмерные расходы³ общества на продовольственные продукты животного происхождения, и по состоянию на 1.01.1991 г. оно составляло: КРС – 92,1 %; коров – 96,2 %; свиней – 96,5 % к уровню 1986 г.

Поэтому далее в полном соответствии с «кумулятивной последовательностью» – термин Т. Веблена – случилось то, что П. Саблук сформулировал следующим образом: «Неизвестно, как сложилась ситуация, но тогда очевидной стала дилемма: либо отказаться от командно-административных методов, от этого кредо планово-распределительной системы, либо же продолжить медленное, но с положительным вектором ускорения сползание к кризису, которое в любой момент могло превратиться в обвальное падение, в экономическую катастрофу» [10, с. 3].

Конечно, институционализм Т. Веблена нельзя считать статичным, а тем более – догматичным, так как в начале XX века, когда он возник, ситуация в экономике была существенно иной, нежели она стала сейчас. Поэтому дальнейшее развитие общества привело к возникновению неоинституционализма, представителями которого являются Р. Коуз, А. Уильямс, Дж. Бьюкенен. При этом основным стало то, что вместо индуктивного метода – от отдельных случаев к обобщениям традиционных институционалистов (Т. Веблена, В. Митчелла, Дж. К. Гэлбрейта), неоинституционалисты стоят на позициях дедукции, т.е. объясняют конкретные явления общественной жизни, исходя из общих принципов неоклассической экономической теории. В то же время как первые, так и вторые признают основополагающие принципы институционализма – значение для эволюции экономических явлений и процессов социальных организаций и возможность их экономического анализа с помощью стандартных инструментов микроэкономики [7, с. 80–81].

Убедительным доказательством истинности институциональной теории Т. Веблена в оценке факторов экономического развития, на наш взгляд, является то, что, несмотря на ограниченность энергоресурсов в одних странах и сосредоточение их запасов в других, даже на фоне многочисленных скачков цен на них в XXI веке это мало что дало последним. Ведь, как и доказывал Т. Веблен, именно институты, а не абстрактный ценовой механизм, управляют аллокацией (распределением – авт.) ресурсов, поскольку ценовой механизм действует внутри рынков, которые суть продукт институтов, действующих и формирующихся на этих рынках [11, с. 115].

³ Общие расходы на 1 кг мяса становили от 3,54 рублей – свинина, до 5,28 рублей – мясо ВРС, при искусственно сдерживанной розничной цене на них 1,80 и 1,90 руб./кг [12, с. 390].

Следовательно, можно утверждать, что именно «привычки, унаследованные из прошлого», являются тем фактором, который способствует или препятствует экономическому развитию определенных стран. Ибо «человеческое поведение (экономическое или какое-либо другое) подчиняется последовательности причин и следствий, например, в ходе формирования привычки (habituation) и в силу общепринятых требований, ...рост и мутация институциональной структуры являются результатами поведения индивидуальных членов группы, поскольку институты зарождаются из опыта индивидов, через выработку привычки, и именно в этом опыте институты напрямую действуют на поведение, определяя его цели и задачи» [2, с. 90, 93].

Наверное, встав на эту позицию, во многом можно согласиться, что утверждения о т. н. «ресурсном понятии», или «голландской болезни» с типичным парадоксом: страны, имеющие большой объем природных ресурсов – нефти, газа, угля, цветных металлов, как правило, развиваются медленнее, чем менее богатые ресурсами экономики», причиной чего являются технологические, институциональные, политические, макроэкономические (сырьевая специализация, простые технологии, замедление накопления знаний и т. п.) факторы [8, с. 2], не лишено оснований, особенно если соотнести это с вебленовской дихотомией индустрии и бизнеса, рациональности и иррациональности, поскольку здесь наглядно иллюстрируется то, что Т. Веблен назвал «поведением, обусловленным действительным знанием» и «поведением, обусловленным привычками мышления» [4, с. 156], рассматривая первую как источник прогресса, поскольку технология и поведение обусловлены действительным знанием, а носителями этих прогрессивных черт являются инженеры-технократы, имеющие необходимые и достаточные знания, навыки и умения, без которых невозможно приводить институциональные формы в соответствие с новейшими технологическими изменениями. Наоборот, поведение, обусловленное привычками мышления, закрепляя негативные стимулы, противодействует изменениям и прогрессу [7, с. 78–79].

И здесь уместно вспомнить, что десятилетиями в СССР культивировали именно эти «негативные стимулы и наклонности», когда инженеры-технократы, как правило, имели гораздо более низкую заработную плату, чем рядовые рабочие, первым приходилось значительно дольше ожидать в очереди получения квартиры, легкового автомобиля, чем другим, и отголоски этого негативизма не преодолены и сейчас.

Впрочем, неоднозначность оценки теории Т. Веблена как его современниками, так и нынешними учеными, прежде всего неоклассиками, является основанием для дальнейших исследований указанной проблемы.

Литература

1. Бернстайн Л. А. Анализ финансовой отчётности: теория, практика и интерпретация; Пер. с англ. – М.: Финансы и статистика, 1996. – 624 с.
2. Веблен Т. Ограниченность теории предельной полезности / Вопросы экономики, 2007. – №7. – С. 86–98.
3. Веблен Т. Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной? // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса. – М.: ГУ – ВШЭ, 2006. – С. 21–28.
4. Веблен Т. Теория делового предприятия. – М.: Дело, 2007. – 405 с.
5. Веблен Т. Теория праздного класса. – М.: Прогресс, 1984. – 387 с.
6. Лукинов І. І. Вибрані праці у 2-х книгах. – Кн. 1. – К.: ННЦ ІАЕ, 2007. – 816 с.
7. Нуреев Р. Торнстейн Веблен: взгляд из XXI века / Вопросы экономики, 2007. – №7. – С. 73–85.
8. Полтерович В., Попов А., Тонис А. Механизмы «ресурсного проклятия» и экономическая политика / Вопросы экономики, 2007. – № 6. – С. 4–27.
9. Про причини уповільнення темпів економічного розвитку Української РСР: / Економіка і прогнозування, 2003. – № 4. – С. 121–141.
10. Саблук П. Т. Формування економічного механізму АПК України на ранньому етапі ринку // Аграрний менеджмент в Україні. – К.: ІАЕ УААН, 1995.
11. Сэмюэлс У. Торстейн Веблен как экономист-теоретик / Вопросы экономики, 2007. – № 7. – С. 99–117.
12. Феномен Украины: реформы 1991–2004 гг. (А. Н. Ткаченко А. А. Алексеев, В. В. Илларионов, В. П. Рыбачук, П. С. Степанов, В. А. Тарасов). – К., 2004. – 602 с.
13. Фетисов Г. Динамика цен и антиинфляционная политика в условиях «голландской болезни» // Общество и экономика, 2008. – № 2.
14. Шеремет А. Д. Комплексный экономический анализ деятельности предприятия. – М.: Экономика, 1974. – 285 с.
15. Шумпетер Й. История экономического анализа: В 3 т. / Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов; Высшая школа экономики {Москва} / Марк Перлман (предисл.) – СПб.: Экономическая школа, 2004. Т. 1. – LVI, 494 с.; Т. 2 – VIII, с. 495–988; Т. 3 – X, с. 989–1164.

Статья поступила в редакцию 1 июля 2010 г.